

О ЗАПОЛЯРНОЙ КАТОРГЕ

Вот какую историю я недавно услышал.

"... В 1949 году я находился на Новой Земле по причине отбытия срока по уголовному делу. Хорошо помню, когда к нам привезли 247 политических, проходивших по ленинградскому делу.

Жили они в соседней бухте. Где жили? В скале была нора с дверью. Одним словом, пещера. Никакого отопления не было. Их охраняли два калмыцких полка. Но бежать и так было некуда.

Мы, уголовники, имели право ходить на работу, где шли хорошие зачеты. Работали в шахтах и на рудниках. Добывали какую-то руду. В одном месте зачет был день за пять, в другом - день за семь. Политические работали как бы для наказания. Сначала в мерзлой каменистой земле рыли траншею, а потом засыпали. Никаких зачетов у них не было.

У меня была упряжка собак, я часто ездил к политическим в соседнюю бухту. Были у меня среди них и друзья. Например, секретарь Кингисепского горкома. Здоровенный был дядя. Ему удалось выжить в тех адских условиях. После этого он ездил осваивать целину.

Когда я читаю сегодня некоторые воспоминания в газетах, я улыбаюсь. По сравнению с нашим лагерем все остальные нам казались пионерскими лагерями.

Люди стали умирать еще по пути на Новую Землю. Нас везли в баржах. Качка была такая, что от удара о борт можно было разбить голову. Нас почти не кормили. На несколько сот человек дали немного хлеба и селедки. Питьевой воды не было. Всех мучала рвота. На обетованную землю мы привезли полный трюм рвоты и 6 трупов. Я думаю, что политических везли так же, если не хуже. Во всяком случае на берегу их за людей не считали. У нас были хоть какие-то права.

Жили там, кроме нас и коренные жители - вейсы. Их век длился 40 лет. Они очень любили пить хвойный экстракт от цинги и спирт, который они в неразведенном виде давали всем, вклю-

чая старух и почти грудных детей.

Для того, чтобы помыться, нам надо было нарубить лед и растопить его в баке. Однажды мы решили насильно помыть вейса. Поймали его и стали раздевать. Но он подумал, что мы хотим надругаться над ним. Поэтому он кричал на всю бухту:

- Меня нельзя! Я - самец!..

... Те, кто работал в рудниках, потеряли волосы. Зубы выпадали у всех. Кормили нас однообразно. Пароход приходил раз в год. Если привозил бобы, ели каждый день бобы. Но когда мы брали сети на катерах, то была и рыба.

Конвой обращался с нами бесчеловечно. Кого-то хотели казнить - дали очередь из автомата по колонне. Мне прострелили колено, моему другу - бедро.

Был у нас и медицинский работник. Как оказалось - ветеринар. Хорошо помню, что он, не имея под рукой ничего, удалил заключенному аппендицес. Мы до сих пор удивляемся, как тот выжил. Ведь его даже заштопать было нечем.

Еще помню, что у нас служил морской офицер из Мурманска, который зарезал свою жену. Наверное, из-за ревности.

Возвращались мы уже на приличных кораблях, - как люди, а не как скоты. В Мурманске некоторым выплачивали и 10, и 20, и 30 тысяч рублей /в старых ценах/, - то есть те суммы, которые были заработаны на каторжных работах. Но вернулись оттуда далеко не все.

Но воровские законы очень сложные. Деньги получил и тот, кто был "в законе". То есть на работу не ходил, а зачеты ему шли.

И все же, даже самое настоящее отродье имело понятие о чести. Вот вам еще одна история.

В одном из лагерей, возле Подпорожья, содержались военно-пленные немцы. Потом лагерь опустел и туда поселили наших уголовников. Но одевать их было не во что. Тогда кому-то в голову пришло выдать заключенным имеющуюся там на складах немецкую военную форму. И зона тут же подняла восстание. Безоружные зэки шли на часовых с дублем. Уцелел только начальник лагеря, который спрятался за дверь, когда к нему ворвалась толпа.

Некоторым заключенным удалось бежать. Они ушли на парово-

зах. Но большинство осталось в лагере. Пришли специальные машины, которые водометами разрушали бараки, — от них летели только щепки".

Невольно хочется спросить аборигенов Новой Земли: "Довольны ли вы, что к вам пришли друзья с Большой земли?"

Сначала они стали хищнически уничтожать ваши природные богатства, засоряя бухты всякого рода техническими отходами и хламом. Потом они стали бить зверя, ловить рыбу, распугивать редких птиц. Потом они понастроили концлагерей, познакомили вас со спиртом, табаком, бусами и научили материться. Сегодня они проводят у вас подземные ядерные взрывы, устраивают кладбища для захоронения ядерных отходов.

Так это и есть так называемая культурная революция, которую мы учинили над малыми народами Севера? А что же тогда называется геноцидом?

Я лежу на пляже Черного моря. Рядом сидят девушки, приехавшие откуда-то с Севера. Спрашиваю их:

- Чем богат ваш край?
- Тайгой и тюрьмами.

Невольно хочется спросить: А почему так сложилось, что и Коми ССР, и Урал, и Сибирь, и Дальний Восток, и Север мы всегда рассматривали как одну большую тюрьму? Почему местное население соглашается с этим? И почему оно в свою очередь не сошлет в Москву и другие наши культурные центры своих преступников и пьяниц? Во всяком случае, в этом есть хоть какой-то смысл. Ведь наши города располагают всем, чтобы перевоспитать таких людей по методу Макаренко в академиков и космонавтов. Но почему-то происходит обратный процесс: мы продолжаем посыпать провинившихся в глухие места. Кто же там будет их воспитывать, водить в театры, на лекции, на стадионы, учить играть на флейте и контрабасе? Белые медведи, что ли?... Или сибирские волки?... Да и нет ли в этой традиции глубокого пренебрежения к малым народам?

Видимо, самое справедливое решение состоит в том, чтобы малые народы имели надежную правовую защиту от имперской политики центра и сами решали бы свою судьбу. Иначе они просто растворятся в нашествии бичей, уголовников и ретивых администраторов, для которых местный житель – все равно, что сосна или камень. Как хотим, так и используем.

Не пора ли остановиться?

XXXXXXXXXXXXXX